

Уральские монархисты в 1907–1917 гг. // Политические партии в российских революциях в начале XX в. / под ред. Г.Н. Севастьянова: Ин-т рос. Истории. – М.: Наука, 2005. С. 434–443.

Н.С. СИДОРЕНКО

УРАЛЬСКИЕ МОНАРХИСТЫ В 1907–1917 гг.

Активизация общественно-политической жизни в стране на рубеже XX–XXI веков, появление значительного числа политических партий и движений, обусловили особый интерес к изучению общественно-политической практики России начала XX в. Отход от жестких идеологических установок, стремление к объективному освещению сложной политической борьбы, содействовали росту исследований по истории партий и движений, практически, всего политического спектра.

Особенно заметной в последнее десятилетие стала разработка истории несоциалистических партий: от кадетов и правее. В значительной мере данное положение вызвано перекосом внимания к революционной проблематике на предыдущих этапах развития отечественной историографии. Оживлению исследований в данной области содействовала и публикация архивных материалов, широко развернувшаяся в последние годы [1]. Введение в научный оборот значительного числа новых документов, отражающих программные и тактические установки партий, деятельность их центральных и ряда региональных отделов, позволило критически переосмыслить накопленный ранее материал по истории этих партий, сделать шаги к корректировке ряда важных методологических положений и оценочных выводов. Наибольшее продвижение заметно в хронологических рамках Первой российской революции и до 1914 г. Деятельность несоциалистических партий в третьиюньский период освещена менее обстоятельно [2].

Поднятые в последние годы в отечественной историографии вопросы об уточнении периодизации основных этапов деятельности несоциалистических партий, объективной оценки их роли в жизни российского общества и государства обуславливают необходимость дальнейших исследований [3]. При этом немаловажное значение имеет региональный аспект темы, позволяющий выявить наряду с общими закономерностями то особенное, что было связано со спецификой социально-экономического и культурно-исторического развития региона. Одним из них выступает Урал – крупный административно-территориальный район страны. Противоречия рассматриваемой эпохи переплелись в нем особенным образом в связи с замедленными темпами модернизации горнозаводской промышленности и затяжным экономическим кризисом начала XX в. (длвшимся

до 1909 г.), давлением со стороны развивавшихся рыночных отношений как внутри страны, так и в процессе втягивания экономики края в сферу международных отношений. Экономические трудности усугублялись политической нестабильностью. В этих условиях на рубеже XIX–XX веков складывалось монархическое движение – спектр политических сил, ориентированных на эволюционное развитие России, умеренное реформирование в социально-экономической области при сохранении основ существующей политической системы. Революция 1905–1907 годов ускорила его партийное оформление, выработку идейно-политической платформы. В партийном отношении монархическое движение на Урале, как и в стране в целом, было представлено целым спектром политических партий и организаций – от Русского Собрания, Русской Монархической партии, Союза русского народа на правом фланге – до умеренного течения либеральных кадетских комитетов. Либерально-монархические позиции разделяли и сторонники движения «Иттифак-эль-муслимин», представлявшие интересы мусульманского населения Урала [4].

Включение кадетских комитетов в состав монархического движения объясняется тем, что настроения лояльности монархическому принципу были доминирующими среди уральских кадетских комитетов. Эту специфику отмечала в свое время и местная пресса [5]. Сильные правые группы имели место в Пермском губернском, Екатеринбургском областном отделах, являвшихся одними из наиболее крупных и активных на Урале в целом. Правое крыло Екатеринбургского отдела, фактически лишь формально приняло кадетскую программу, придерживаясь более умеренных взглядов. Сторонники этого направления открыто проводили промонархическую агитацию даже тогда, когда соответствующий пункт программы партии еще не был четко обозначен [6].

На страницах губернских газет и в устных выступлениях екатеринбургские кадеты проводили мысль о том, что вообще лозунг демократической республики не имеет корней в русском народе, традиционно связанном с идеей самодержавия. В то же время, они считали, что «на почве конституционной монархии могут быть проведены весьма широкие, как политические, так и экономические реформы, удовлетворяющие народные потребности». В условиях революции и под влиянием ее крайних проявлений, имели место объединение усилий консерваторов и либералов для решения задачи восстановления «мира и спокойствия в стране» и в регионе [7].

Становление монархического движения на Урале представляло собой, с одной стороны, процесс развития периферийных отделов Всероссийских организаций, с другой – проявление местной специфики. К числу региональных организаций можно отнести на левом фланге – Либерально-конституционную партию (Пермь), стоявшую в политической области на платформе Манифеста 17 Октября, а в социально-экономической – на позици-

ях, сходных с кадетской партией, на правом – Русско-народную монархическую партию (Вятская губ.) и Царско-народное русское общество (Уфимская губ.). В становлении правых союзов прослеживалось влияние поволжских монархических центров – Казани и Астрахани, стремившихся совместно с центральным руководством к созданию единого Волжско-Уральского регионального объединения [8]. Со второй половины 1906 г. в партийной периферии доминирующими становились местные комитеты соответствующих Всероссийских партий.

Монархисты и их организации представляли собой довольно внушительную силу. Уже в период Первой русской революции они составляли более половины (54%) политического спектра края и были сопоставимы с леворадикальными силами. По количеству местных комитетов лидировали либеральные комитеты, но по численности рядов – право-консервативные¹.

Политическая система, получившая закрепление в законодательном акте от 3 июня 1907 года, выдвинула перед сторонниками монархического принципа качественно новые задачи: приспособления к условиям открытой политической деятельности, работе на длительную перспективу в относительно стабильной социально-политической ситуации.

Изменение политического курса правительства вызвало различную реакцию в монархических кругах. Уральские правые спешили выразить открытое одобрение принятию нового избирательного закона и курсу правительства на решительную борьбу с революцией [9]. Готовность оказать поддержку режиму выразилась в дальнейшем росте их местных комитетов.

В 1907–1908 гг. нами выявлено действие 75 комитетов право-монархических партий, в том числе 40–45 в Пермской губернии; 18 – в Вятской; 11 – в Уфимской; 5 – в Оренбургской. Общая численность их рядов достигала 9250 человек. Наиболее массовыми были ряды пермских монархистов. Они объединяли около 5–5,5 тысяч человек².

¹ Привлеченные нами источники позволили внести существенные коррективы в представления о степени распространения монархических отделов на Урале в период Первой русской революции, и в первую очередь, право-монархических. По нашим данным на Урале в 1905–1907 гг. действовало 82 право-консервативных, 49 праволиберальных и 38 (55) кадетских комитетов, в которых в той или иной степени имели место монархические настроения, общей численностью около 18 тысяч человек. Право-монархические отделы объединяли в своих рядах 67,8% членов этих организаций; а численность кадетских и праволиберальных комитетов уступала им в 3,6 и 4,8 раза соответственно. В исследованиях И.В. Нарского приводятся данные о 32-х отделах КДП (3 100 чел.), 37-ми отделах Союза 17 октября (4 600 чел.), 54-х отделах СРН (11 500 чел.). С.А.Лоскутов выявил дополнительно 12 отделов либеральных партий и оценил их численный состав приблизительно равным – по 3 300 чел. См. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Ч.1. Челябинск, 1995.- С. 87-88; Лоскутов С.А. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905-1916). Челябинск, 1995.- С.47, 48.

² По данным И.В. Нарского в 1907 г. действовало 39 отделов, в 1908 –19 отделов. См. И.В. Нарский Революционеры справа. Черносотенцы на Урале в 1905-1916 гг. Материалы к исследованию «русскости». Екатеринбург, 1994.- С. 30.

Либеральные комитеты переживали глубокий кризис. Газета «Уральский край» констатировала в этой связи: «Tempora mutantur... Барометр падает» [10]. В либеральных кругах заметной становилась тенденция к поправению. Учитывая глубокие изменения в настроении масс, и руководствуясь партийными установками, кадеты занимали выжидательную позицию, меняя тактику «решительной оппозиции» на деловое сотрудничество с правящими сферами для достижения успокоения страны преимущественно путем осуществления неотложных реформ. В кадетской среде преобладали «веховские» настроения. В своей газете «Уральский край» они утверждали, что первая русская революция расшатала устои Российского государства и пора решительно отказаться от насильственного уничтожения существующего строя, ибо улучшение своего экономического и правового положения можно добиться законным путем, с помощью реформ, постепенного приспособления монархии к капиталистическому пути развития.

Поправление либерального лагеря отразилось и в эволюции его партийных структур. Большая часть уральских кадетских и октябристских отделов прекратили свое существование фактически уже в 1908 г., что было связано с фактическим отказом уральских либералов от использования нелегальных методов деятельности, ориентацией их умеренной части на работу в легальных организациях под флагом беспартийного «прогрессизма». По донесениям губернских жандармских управлений уже за 1908 г. отмечалось отсутствие в регионе «организации кадетской партии в полном смысле этого слова» и проявление деятельности лишь отдельных разрозненных кружков или лиц, сочувствующих этой партии, при этом подчеркивалось, что «действия их настолько ничтожны, что не поддаются учету» [11].

Центр тяжести в работе с местным населением, ввиду этого был перенесен ими в легальные организации. На работу в разного рода профессиональных, кооперативных, благотворительных и иных объединениях, действовавших в стране, нацеливало свои комитеты и руководство Конституционно-демократической партии (КДП).

Заметное оживление в деятельности либеральных комитетов наступило в условиях нового революционного подъема. Активизировалась внедумская пропагандистская работа уральских депутатов-либералов, членов III и IV Государственных дум, укреплялись их контакты с местными комитетами. Большое влияние оказала организационная и пропагандистская деятельность ЦК КДП, вовлечение местных отделов в проведение общероссийских акций [12].

Разработка истории российского либерализма начала XX в. получила значительное развитие в отечественной историографии последнего десятилетия. Выход в свет монографических исследований, выполненных на материалах центральных архивов, активизиро-

вал региональные исследования, в том числе и на Урале. [13]. Достижения в данной области представляются наиболее значимыми. Характеристика правого движения на Урале в рассматриваемый период требует, на наш взгляд, определенной корректировки. Высказанное в 90-ые годы в уральской исторической литературе мнение о «политической деградации», «деполитизации черносотенного движения» в крае после третьеиюньского переворота и сведение их деятельности к простому «культурничеству» и «бытовой взаимопомощи» представляется односторонним и упрощенным [14].

Исторические факты, действительно, свидетельствуют о наличии тенденции к сокращению числа и рядов право-монархических союзов в регионе, но эта тенденция не была столь прямолинейной и быстрой. Важное значение для объективного анализа правого движения в стране и крае имеет более детальная периодизация общественно-политической практики в целом. В этой связи представляется целесообразным выделение в третьеиюньском периоде довоенного этапа развития, поскольку с началом Первой мировой войны возникли особые условия для деятельности политических партий.

На основе использования новых архивных и иных источников, в том числе введенных в научный оборот впервые, можно говорить о том, что в 1907–1914 гг. право-монархические союзы на Урале были наиболее устойчивыми. Накануне Первой мировой войны их ряды объединяли около 6–6,5 тыс. чел. По сравнению с периодом революции 1905–1907 гг. они сократились почти в 1,5 раза. В то же время, они, по-прежнему, оставались самыми массовыми организациями и были сопоставимы с леворадикальными, насчитывавшими в 1908–1911 гг. около 5,5 тыс. человек [15]. Число и ряды либеральных комитетов сократились значительно резче. На основании архивных и иных источников выявлено существование на Урале в 1907 – феврале 1917 годов в различные периоды 11 кадетских и 4 октябристских отделов. Численность кадетов составляла, по нашим подсчетам, около 270 чел., октябристов – 50 чел. [16].

В определенной мере этому способствовал и сам политический режим, существенно ограничивший правовые рамки деятельности либеральных союзов. Однако не следует преувеличивать и степень поддержки властными структурами правых организаций, в том числе периферийных. Лояльность, которую проявляли к ним губернские власти, определялась скорее поиском политической опоры в решении локальных проблем, да и то в пределах, допускавшихся режимом [17].

Устойчивость право-монархических союзов была связана, прежде всего, с укорененностью консервативного сознания в массовых слоях уральского общества. Итоги исследования массового сознания россиян показали, что революция 1905–1907 гг. хотя и колебала, но не разрушила монархические настроения масс. Более того, под влиянием ее

крайних проявлений, а также воздействием происходивших социальных и экономических перемен, связанных с модернизацией общества, утверждением буржуазного способа производства, влекших необходимость смены социального статуса, в значительной части населения монархический режим и традиционные политические институты воспринимались как необходимые [18]. Данные выводы особенно актуальны в отношении уральского промышленного региона, в котором процесс перестройки шел медленно и болезненно, и для которого поддержка государства имела принципиальное значение.

В целях сохранения и оживления партийных рядов центральное руководство право-монархических организаций предприняло в 1908–1917 гг. ряд мер. Среди них особое значение наряду с поддержкой финансами и литературой, имело на Урале разрешение Синода в 1908 г. своим служащим состоять членами монархических союзов.

Уральское духовенство приняло активное участие в создании и деятельности местных комитетов. Характерно и то, что в 1908–1912 годах в разное время губернские и областные отделы Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНС) и Русской монархической партии (Вятка) возглавляли или были почетными председателями в Вятке, Оренбурге, Перми и Екатеринбурге соответствующие епархиальные епископы [19]. Имела значение и кадровая поддержка правых изданий. В 1907–1914 гг. в разное время на Урале выходило 10 газет правого направления. Участие духовенства в них способствовало повышению их содержательности.

Поддержанию притягательности право-монархических союзов в глазах народа содействовали и некоторые внешние стороны их деятельности: обмен приветствиями между центральными и местными организациями, посылка верноподданнических телеграмм в адрес верховной власти и обнародование «высочайшей благодарности» на них, проведение русских национальных праздников и т.д. Немаловажное значение имело вручение нагрудных значков и медалей. В то же время, задержки с их доставкой в «глубинку» вызывали разочарование и в ряде случаев отход «союзников» от участия в работе [20].

Отрицательные последствия на периферийные отделы оказали идейные и личные разногласия в руководстве центральных монархических объединений и, прежде всего, в Главном Совете СРН, приведшие к его расколу в 1907 г. и образованию ряда родственных организаций. Процесс дробления правых партий, связанный с многочисленными скандалами и ожесточенной полемикой, болезненно отразился на периферийных отделах, порождая личное соперничество, склоки, разборки, тяжбы по поводу принадлежащей им собственности и, как следствие, ослабление деятельности [21]. Фактически правое движение оказалось раздробленным. Уральская периферия представляла собой конгломерат трех основных партий: Союза русского народа (СРН), Русского народного союза Михаила Ар-

хангела (РНС) и сторонников Националистического общества. Преобладавшие в их составе отделы СРН (преимущественно в Пермской и Уфимской губерниях) скептически относились к отделам, возникшим «для проведения более умеренных правых взглядов».

Представляется необходимой и более взвешенная оценка характера и значения экономической деятельности правых, не сводимая к простому «хозяйствованию». Руководство правым движением рассматривало ее, прежде всего, как основу для поддержания деятельности организационных структур правого движения, привлечения масс на свои позиции при отсутствии очевидных для масс причин политического характера [22].

Местный орган правой печати в этой связи разъяснял своим читателям: «Этот путь объединения... не только привел бы... к духовному возрождению и экономическому благосостоянию миллионы народа, но он несомненно отвлек бы их от участия во всех ужасах и мерзостях современной смуты... он поднял бы народную нравственность и скоро привел бы государство к умиротворению» [23].

Масштабы и итоги экономической деятельности право-монархических союзов, на наш взгляд, исследованы еще недостаточно. По-прежнему сохраняется схематичный подход к оценке ее характера и значимости. Вместе с тем, даже политические конкуренты в свое время обращали внимание на успехи правых в этом направлении. Так, лидер кадетов П.Н. Милюков уже в 1909 г. отмечал «оказание материальной помощи своим членам» «весьма интересным явлением в деятельности СРН и сродных ему организаций». Шаги правых по пути развития экономической деятельности оценивались им «капитальными по замыслу» [24].

Характеризуя экономическую деятельность право-консервативных союзов, следует отметить и то, что согласно действовавшему законодательству, потребительские общества располагали правом учреждения библиотек, читален, ведением книжной торговли и другой деятельности, позволявшей осуществлять просветительскую и пропагандистскую работу. Так, Пермское железнодорожное общество потребителей, одно из самых крупных в России, располагало библиотекой с филиалами на линии железной дороги, в которых числилось до 10 тыс. томов. На образование детей членов потребительского общества только в 1908 г. было выделено 10 тыс. руб. [25]. Таким образом, хозяйственная деятельность создавала дополнительные возможности для ведения идеологической работы правыми партиями.

Оценка деятельности право-монархических союзов и их сторонников не будет полной без анализа их политической активности в обществе. В правовых рамках третьеиюньской политической системы она концентрировалась, главным образом, в борьбе за голоса избирателей на выборах в органы власти и местного самоуправления. Занятие прочных

позиций в них отвечало стратегической цели правого движения, намеченного III съездом Совета объединенного дворянства. Не отказываясь полностью от правительственного курса реформ они, в то же время, намерены были внести в него определенные коррективы в сторону ограничения их политической и социальной направленности, сдерживания темпов осуществления и решения в первую очередь задач борьбы с революционным движением [26].

Усилия уральских правых и в этой сфере имели видимые результаты. Уже на выборах 1906 г. в связи с поправлением земской среды и обывателей под воздействием революции, перевес в сторону правых произошел в Вятском губернском, ряде уездных земств Вятской, Пермской и Уфимской губерний. Выборы 1909, 1912 гг. в общем сохранили расстановку сил, хотя и привели кое-где к сдвигу от правого большинства к октябристскому или, в некоторых случаях, – к октябристско-кадетскому. Следует отметить и то, что успеху правых содействовала кадровая политика правительства, заключающаяся в «неутверждении в должности» неблагонадежных лиц [27].

Острая конкурентная борьба между представителями консервативного и либерального направлений шла в органах городского самоуправления. В 1907–1909 гг. успех сопутствовал представителям правых сил. На выборах 1912–1914 гг. их позиции были определенным образом потеснены [28].

Укрепив свое положение в земствах, сторонники консерватизма провели своих представителей в Государственный Совет на выборах 1909 г, 1912 г. Таким образом, действуя в согласии с установками центрального руководства, уральские консерваторы немало содействовали достижению общей цели – упрочению позиций в верхней палате высшего представительного учреждения.

Объектом острой политической борьбы являлись выборы в Государственную думу. Преобладающие позиции в рассматриваемый период в этой борьбе были на стороне либералов. В значительной степени это достигалось поддержкой их лозунгов национал-либералами. В III Думу они провели 20 депутатов, в том числе – 5 – от партии «Иттифак-эль-муслимин». Сторонники правых партий - только 3-х и совместно с умеренными – одного октябриста. На выборах в IV Думу, используя новый избирательный закон и опыт, накопленный в предыдущие годы, правые добились существенного успеха, получив 13 мест из 27 (42%), однако либералы сохранили за собой перевес. В то же время, преобладание в числе депутатов лиц состоятельных, нашло свое отражение в их политической ориентации в сторону умеренного либерализма [29]. Даже в условиях перехода либеральных фракций на путь «повышения оппозиционного тона выступлений» в связи со сдвигом правительства вправо, уральский депутат-прогрессист А. Бубликов (олицетворявший по-

зицию «делового мира»), резко критикуя «руководительство русской жизнью», акцентировал внимание на возможность налаживания «делового сотрудничества» с ним при взаимной готовности к уступкам с обеих сторон [30].

Совместная деятельность по реализации правительственного курса реформ способствовала сближению между правым и либеральным течением в монархическом движении на Урале по ряду позиций. Наиболее отчетливо оно проявилось в отношении к аграрной реформе. Разделяя критическое отношение к курсу на форсированное разрушение общины, они выражали предпочтение эволюционному пути ее развития, открывавшему возможность самим крестьянам определять наилучшую для них форму организации. Кроме того, либералы акцентировали внимание на методах проведения реформы, оценивая их как «попытку бюрократическим путем решить эту громадную проблему», что, по их мнению, влекло «громадные, миллиардные средства... и века труда многих поколений...» [31]. Такая позиция основывалась на знании особенностей крестьянской общины в регионе, сложности ее организации. В целом аграрная реформа Столыпина дала на Урале меньшие результаты, чем по стране. В ходе нее было реформировано лишь 10,2% крестьянских дворов, в то время, как в стране – 26%. Одним из негативных последствий реформы стал рост безземельных хозяйств. К 1914 г. они составляли 14% от общего числа крестьянских хозяйств [32].

Активную совместную деятельность развернули уральские правооктябристские земства по организации кустарной промышленности в крае. Несмотря на различие позиций по разрешению горного вопроса в целом, и правые, и либералы были едины в осознании того факта, что поддержка и развитие мелкого и среднего кустарного промысла в условиях затянувшейся технической модернизации и организационной перестройки уральской горной промышленности, являлось необходимым средством разрешения острой проблемы малоземелья и безработицы. Вместе с тем либералы акцентировали внимание на необходимость более активного привлечения частного капитала для развития уральской промышленности. В этой связи они считали тенденцию к усилению казенного предпринимательства ошибочной, сдерживающей темпы его модернизации. Кроме того, они считали проблемы развития промышленности первостепенными для страны и выступали с критикой правительственного экономического курса, поддерживаемого правыми партиями. С высоты думской трибуны они подчеркивали, что «проводимые в жизнь ложные экономические воззрения действуют разрушительнее баррикад на самые гранитные монархии в мире» [33].

Более сложным был поиск путей к компромиссам в политической сфере. Уральские правые оставались сторонниками сохранения сильного государственного начала в

регулировании общественной и экономической жизни Российского государства, в то время, как либералы ратовали за широкое развитие общественной самодеятельности, усиление частной инициативы во всех сферах. Борьба по этим аспектам остро разворачивалась между ними в печати, в земстве, органах городского самоуправления, в различного рода общественных организациях.

В целом их деятельность, направленная на укрепление в сознании населения лояльного отношения к монархии, убеждение в возможности проведения реформ сверху и осуждение насильственных методов борьбы, способствовали стабилизации общественно-политической ситуации в крае в послереволюционный период.

Существенные изменения в расстановку сил внутри монархического движения внесла Первая мировая война. С одной стороны, ее начало вызвало актуализацию традиционных ценностей в сознании народа, патриотический и религиозный подъем, неразрывно связанный с оживлением монархических чувств и настроений. С другой стороны, – партийная политическая деятельность в крае, практически, замерла. Социал-демократические и эсеровские организации были повсеместно разгромлены. Либералы, в том числе представители национал-либерального движения, в официальном заявлении представителя мусульманской фракции Государственной думы К.Б. Тевкелева заявили о единодушной поддержке внешней политики России и о том, что они откладывают вопросы о своих делах (религиозных и национальных) до окончания войны [34]. Монархические организации резко теряли своих членов. Многие из них уходили на войну или отходили от политической деятельности, всецело переключаясь на оказание посильной помощи нуждам армии и тыла.

Однако некоторое затишье в партийной деятельности в условиях войны вскоре сменилось новой активностью. На Урале она началась со второй половины 1915 г. В ее основе лежали общие для страны в целом причины: нарастание трудностей экономического характера, психологическая усталость от войны, а также «озлобление» против тех лиц, которые не разделяли с основной массой народа тягот военного времени. На Урале было сосредоточено значительное число запасных и эвакуированных из западных районов страны, многие из которых принадлежали к «состоятельным классам» и вели разгульный образ жизни. Он резко диссонировал традиционному образу жизни провинции и еще более накалял обстановку в крае. Все это привело к обострению противоречий между различными социальными группами, к росту недоверия власти, как центральной, так и местной, не способной, на их взгляд, принять решительные меры по наведению порядка и восстановлению системы традиционного жизнеобеспечения. Среди населения росла тяга к самоорганизации и самозащите. На почве дороговизны заметно усиливалось стачечное

движение. Дальнейшее углубление экономического и политического кризиса грозило подрывом основным устоям государства.

Нараставшая опасность вызвала активизацию деятельности сторонников монархизма, как в центре, так и на местах. Однако монархический лагерь не был един. Представители его консервативного и либерального направлений по-разному относились к принципу самодержавия и предлагали различные методы выхода из кризиса.

Попытки центрального руководства правого движения объединить разрозненные действия союзов с целью усиления их влияния в обществе не принесли желаемого результата. Среди общих причин сказались крупные изменения в составе населения края в связи с военными мобилизациями. За годы войны из крестьянских хозяйств было мобилизовано более 1 млн. чел; с заводов Урала – 23,3% рабочих и 43,7% рабочих, занятых во вспомогательных отраслях¹ [35]. Вместо ушедших на фронт прибывали рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров, беженцы из западных районов страны. Среди вновь прибывших было не мало сторонников леворадикальных партий.

В годы войны произошли качественные перемены в организации промышленности края. К началу 1917 г. из 22-х действовавших частновладельческих горнозаводских округов было акционировано 18 [36]. Произшедшие перемены неизбежно разрушали складывавшуюся веками систему патриархальных отношений.

Глубокие сдвиги в экономике края, социальной структуре населения сужали социальную базу право-монархических союзов. И все же монархические настроения в уральском обществе не были полностью вытеснены. Об этом свидетельствуют многие факты: крестные ходы, посылки верноподданнических телеграмм, патриотические манифестации (хотя они уже не имели былого размаха), денежные пожертвования на нужды армии, на сооружение и содержание памятников в честь представителей правящей династии и ряд других [37]. В то же время, эффективность их деятельности была не высока. На фоне нараставших противоречий, она выглядела скорее как попытка к сплочению народных масс вокруг царя, и противопоставления их всем тем, кто поддерживал действия либеральной оппозиции [38]. На периферии это противопоставление выглядело еще более резко, так как «законопослушность» правых шла вразрез с растущим недовольством населения действиями не только центральной, но и местных властей. Население губерний Урала ожидало от правительства восстановления налаженных веками гражданских экономических отношений, урегулирование цен на предметы первой необходимости, поддержания порядка. Однако частые смены правительства, неизбежно влекшие за собой и постоянную смену

¹ Следует учесть, что во вспомогательных отраслях промышленности традиционно были заняты представители коренного населения края.

программ, предубаждений, распоряжений, дезорганизовывали власть на местах. Зачастую она не знала, что делать, теряла личную инициативу или в большинстве случаев бездействовала [39].

Учитывая изменения в настроении масс, активизировали свою деятельность уральские либералы. Документы департамента полиции свидетельствуют об оживлении партийной работы уральских кадетских комитетов, об укреплении связи их с ЦК и думской фракцией. Осознавая малочисленность своих рядов, они предпринимали меры к расширению связей с общественностью. В немалой степени этому содействовала поддержка со стороны ЦК партии, думских либеральных фракций, направлявших своих агитаторов на места [40]. Дальнейшему усилению позиций либерализма содействовала работа губернских и уездных отделов земских и городских организаций, отделов ВПК, в которых ряд ключевых позиций принадлежали в прошлом известным кадетам. Существенно окрепли их позиции в земстве, что убедительно продемонстрировала широко развернувшаяся в регионе кампания по поддержке программы и требований Прогрессивного блока. Одновременно в либеральной среде заметно усиливался рост радикальных настроений, подогреваемый действиями левого течения в руководстве кадетской партии и оппозиционных думских фракций [41].

В рядах монархистов обострилась полемика по вопросу о методах выведения страны из нарастающего кризиса. Порой она доходила до взаимных оскорблений, что еще более умаляло их влияние в обществе и создавало дополнительный шанс революционной развязке конфликта. Численность их рядов продолжала сокращаться. В 1915–феврале 1917 гг. зафиксирована активность только 11 право-монархических комитетов, объединявших около 400 чел. и 5-ти кадетских, включавших до 100 чел. [42].

В условиях войны все большую симпатию уральского общества получали радикальные требования демократических партий. Это нашло отражение и в росте их рядов. В конце 1916г. по данным газеты «Пролетарский голос» на Урале насчитывалось около 900 социал-демократов [43]. Социал-демократам и социал-революционерам удалось значительно укрепить свои позиции в легальных рабочих организациях – кооперативах, профсоюзах, других, расширить свое влияние на рабочие массы и демократические слои городского населения.

Широкая критика центральной власти и монарха, его ближайшего окружения, развернутая революционными и оппозиционными силами с конца 1916 года, усугубляла психологическую ситуацию в стране и на Урале, создавая ощущение того, что виновником всех бед и неудач является устаревший режим. Это неизбежно вело к утрате в сознании

многих привлекательности монархии, как формы государственной власти; девальвировало образ царя – защитника, покровителя и выразителя воли православного народа [44].

В этих условиях симпатии масс склонялись в сторону тех политических сил, которые выдвигали лозунг свержения самодержавия и осуществления глубоких революционных перемен. Революционная волна захлестнула и значительную часть армии и казачества, составлявших военную опору режима [45]. В этих условиях надежды либералов на возможность направить грядущую революцию в «конституционное русло» оказались призрачными. Известия о победе Февральской революции и падении самодержавия получили быстрое распространение и поддержку всех основных промышленных центров Урала. Монархическое движение в крае, как и в стране в целом, потерпело поражение.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00500 а/Т.

Примечания

1 Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 тт. Т. 1. 1906–908 гг. М., 2001. – 926 с.; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996. – 512 с.; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1996. – 744 с.; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. – 832 с.; Союз эсеров-максималистов. – 1906–1924 гг. Документы, публикации. М. 2002. – 423 с.; Правые партии: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1.: 1905–1910 гг. М., 1998. – 718 с.

2. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российского либерализма (1907–1914 гг.). М., 1991.; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992; Кураева А. Партии и массовые организации в Первой русской революции. М., 2000; Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. // [сост. Д.Б. Павлов]. М., 2001; Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001.

3. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 16.

4. Исхаков С.М. Революция 1905–1907 гг. и российские мусульмане // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: Материалы международной конференции. 17–18 октября 1995 г. г. Москва при поддержке РГНФ. – М.: Наука, 1996. – С. 5.

5. Пермские губернские ведомости. 1906, 8 марта.

6. Пермский край. 1905. 6 дек., Урал. 1905, 2, 21 дек.

7. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 126. Л. 1-3; ГАЧО. Ф. И-143. Оп. 1. Д. 108. Л. 76.

8. ГАРФ. Ф. 116. Оп.1. Д. 599. Л. 1; Пермские губернские ведомости. 1906, 24 февр.; Уфимские губернские ведомости. 1906. 21 февр.

9. Вятский вестник. 1907, 7, 22 июня; Пермские губернские ведомости. 1907, 13 июня; Вестник Уфы. 1907, 5 июня.

10. Уральский край. 1907, 6 июня.

11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 149. Л. 23; ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 430. Л. 1; Оп. 2. Д. 208. Л. 1-10.

12. ГАРФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 26 а. Л. 1; Д. 39. Л. 1; Д. 43. Л. 1–1 об.; Вестник Уфы. 1910, 3 окт.; Оренбургские городские известия. 1913. № 7. С. 11-18.

13. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. 25-26 мая 2000 г.- М., 2001 г.; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 –весна 1917 гг.) М., 2003; Нарский И.В. Кадеты на Урале в революции 1905-1907 гг. Свердловск, 1991; Лоскутов С.. Политические партии торгово-промышленной буржуазии на Урале (1905-1916). Челябинск, 1995.
14. Нарский И.В. «Революционеры справа»: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. (Материалы к исследованию русскости). Екатеринбург, 1994.– С. 95–98, 106–107.
15. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 12. Л. 61-68, 114, 525–530, 565–567, 654–657, 802–810 об., 994–996, 1047–1058 об., 1065–1069; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. С. 88; Сидоренко Н.С. Указ. соч. С. 115.
16. Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905–февр. 1917). С. 125–126, 188–189.
17. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1217. Л. 9-9об.
18. Лобачева Г.В. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881–1917 гг.). Автореферат... д.и.н. Саратов, 1999. С. 29.
19. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 337. Л. 20; Сидоренко Н.С. указ соч. С. 169–174.
20. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 341. Л. 19–19 об.; ГАПО. Ф. 161. Оп. 2. Д. 19. Л. 135.
21. Сидоренко Н.С. указ соч. С. 120-123.
22. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 631. Л. 4–7 об.
23. Правый путь. 1907, 25 окт.
24. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1309. 1909. Л. 3–7.
25. Пермская земская неделя. 1908, 25 дек.
26. Труды III съезда уполномоченных дворянских обществ 32-х губ. СПб., 1907, С. 4–30, 389.
27. Веселовский Б. Т. 4. С. 48, 657; Северное слово. 1912, 5 янв.; Госуд. Дума. Стеногр. Отчеты. Созыв III. Сесс. 1. Ч. 2. СПб., 1909. С. 2852.
28. Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале... С. 109–110.
29. Сидоренко Н.С. Взгляды уральских депутатов-либералов III и IV Государственных дум на вопросы реформирования российского общества // Россия в истории мировой цивилизации. Тезисы докл. Ч. III. Челябинск, 1997. С. 67–71.
30. Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв. IV. Сесс. 1. Ч. 1. СПб., 1913. С. 958–962
31. Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв. III. Сесс. 2. Ч. 3. СПб., 1909. С. 458–459.
32. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизни. Екатеринбург, 2000. С. 19-20.
33. Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв. III. Сесс. 1. Ч. 3. СПб., 1908. С. 5; Уральский край. 1907. 9 окт.; Сидоренко Н.С. Указ. соч. С.69.
34. Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв. IV. Сесс. 3. СПб., 1915. С. 34–35.
35. История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 355, 358.
36. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982.- С.281.
37. РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.64. Л.78; Северное слово. 1915, 13 окт.
38. См. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция?: Россия, 1861-1917 гг. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С.25.
39. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.20. Ч.56. Л.27 об.
40. Там же. Д.244. Т.1. Л.208, 220; Оренбургское дело. 1915, 9 окт.; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1986. С.209.
41. ГАРФ. Ф.102. Оп.245. Д.27. Ч.86. Б. Л. 1, 4-6.

42. Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале... С. 126.
43. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность... С.89.
44. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–март1918). Екатеринбург, 2000. С. 139, 141.
45. Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983.- С.54-55; Мамонов В.Ф. Революция глазами казака-монархиста //Кризис и историческая наука. Челябинск, 1997.- С.71-72.